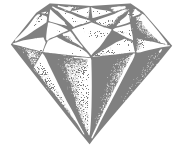
АЛЕКСАНДР ДЮМА

Граф Монте-Кристо

ТОМ 2



Москва

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
Д96

Alexandre Dumas

LE COMTE DE MONTE-CRISTO

Перевод с французского *Л. Олавской, В. Строева*

Художественное оформление серии *Н. Портяной*

Дюма, Александр.

Д96 Граф Монте-Кристо. Том 2 / Александр Дюма ; [перевод с французского Л. Олавской, В. Строева]. — Москва : Эксмо, 2025. — 768 с. : ил. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-214642-8

«Граф Монте-Кристо», один из самых популярных романов Александра Дюма, имеет ошеломительный успех у читателей. Его сюжет автор почерпнул из архивов парижской полиции. Подлинная жизнь сапожника Франсуа Пико, ставшего прототипом Эдмона Дантеса, под пером настоящего художника превратилась в захватывающую книгу о мученике замка Иф и о парижском ангеле мщения.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-214642-8

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть IV

I. Господин Нуартье де Вильфор

Вот что произошло в доме королевского прокурора после отъезда г-жи Данглар и ее дочери, в то время как происходил переданный нами разговор. Вильфор в сопровождении жены явился в комнату своего отца; что касается Валентины, то мы знаем, где она находилась.

Поздоровавшись со стариком и отослав Барруа, старого лакея, прослужившего у Нуартье больше четверти века, они сели.

Нуартье сидел в большом кресле на колесиках, куда его сажали утром и откуда поднимали вечером; перед ним было зеркало, в котором отражалась вся комната, так что, даже не шевелясь, — что, впрочем, было для него невозможно, — он мог видеть, кто к нему входит, кто выходит и что делается вокруг. Неподвижный, как труп, он смотрел живым и умным взглядом на своих детей, церемонное приветствие которых предвещало нечто значительное и необычное.

Зрение и слух были единственными чувствами, которые, подобно двум искрам, еще тлели в этом теле, уже на три четверти готовом для могилы; да и то из этих двух чувств только одно могло свидетельствовать о внутренней жизни, еще теплившейся в этом истукане, и взгляд, выра-

жавший эту внутреннюю жизнь, походил на далекий огонек, который ночью указывает заблудившемуся в пустыне страннику, что где-то есть живое существо, бодрствующее в безмолвии и мраке.

Зато в черных глазах старого Нуартье, с нависшими над ними черными бровями, тогда как его длинные волосы, спадающие до плеч, были совершенно белы, в этих глазах — как бывает всегда, когда тело уже перестает вам повиноваться, — сосредоточилась вся энергия, вся воля, вся сила, весь разум, некогда оживлявшие его тело и дух. Конечно, недоставало жеста руки, звука голоса, движений тела, но этот властный взор заменял все. Глаза отдавали приказания, глаза благодарили; это был труп, в котором жили глаза; и ничто не могло быть страшнее подчас, чем мраморное лицо, в верхней половине которого зажигался гнев или светилась радость. Только три человека умели понимать этот язык несчастного паралитика: Вильфор, Валентина и тот старый слуга, о котором мы уже упомянули. Но так как Вильфор видел своего отца только изредка и лишь тогда, когда это было, так сказать, неизбежно, а когда видел — ничем не старался угодить ему, даже и понимая его, то все счастье старика составляла его внучка. Валентина научилась благодаря самоотверженности, любви и терпению читать по глазам все мысли Нуартье. На этот немой и никому другому не понятный язык она отвечала своим голосом, лицом, всей душой, так что оживленные беседы возникали между молодой девушкой и этой бренной плотью, почти обратившейся в прах, которая, однако, еще была человеком огромных знаний, неслыханной проницательности и настолько сильной воли, насколько это возможно для духа, который томился в теле, переставшем ему повиноваться.

Таким образом, Валентине удалось разрешить нелегкую задачу: понимать мысли старика и передавать ему свои; и благодаря этому умению почти не бывало случая, чтобы

в обыденных вещах она не угадывала вполне точно желания этой живой души или потребности этого полубесчувственного трупа.

Что касается Барруа, то он, как мы сказали, служил своему хозяину уже двадцать пять лет и так хорошо знал все его привычки, что Нуартье почти не требовалось о чем-либо его просить.

Вильфору не нужна была ничья помощь, чтобы начать с отцом тот странный разговор, для которого он явился. Он сам, как мы уже сказали, отлично знал весь словарь старика, и если он так редко с ним беседовал, то это происходило лишь от полного равнодушия. Поэтому он предоставил Валентине спуститься в сад, отослал Барруа и уселся по правую руку от своего отца, между тем как г-жа де Вильфор села слева.

— Не удивляйтесь, сударь, — сказал он, — что Валентина не пришла с нами и что я отослал Барруа; предстоящая нам беседа не могла бы вестись в присутствии дочери или лакея. Госпожа де Вильфор и я намерены сообщить вам нечто важное.

Во время этого вступления лицо Нуартье оставалось безучастным, тогда как взгляд Вильфора, казалось, хотел проникнуть в самое сердце старика.

— Мы уверены, госпожа де Вильфор и я, — продолжал королевский прокурор своим обычным ледяным тоном, не допускающим каких-либо возражений, — что вы сочувственно встретите это сообщение.

Взгляд старика был по-прежнему неподвижен; он просто слушал.

— Мы выдаем Валентину замуж, — продолжал Вильфор.

Восковая маска не могла бы остаться при этом известии более холодной, чем лицо старика.

— Свадьба состоится через три месяца, — продолжал Вильфор.

Глаза старика были все так же безжизненны.

Тут заговорила г-жа де Вильфор.

— Нам казалось, — поспешила она добавить, — что это известие должно вас заинтересовать; к тому же вы, по-видимому, всегда были привязаны к Валентине; нам остается только назвать вам имя молодого человека, который ей предназначен. Это одна из лучших партий, на которые Валентина могла бы рассчитывать; тот, кого мы ей предназначаем и чье имя вам, вероятно, знакомо, хорошего рода и богат, а его образ жизни и вкусы служат для нее порукой счастья. Речь идет о Франце де Кенель, бароне д'Эпине.

Пока его жена произносила эту маленькую речь, Вильфор буквально впился взглядом в лицо старика. Едва г-жа де Вильфор произнесла имя Франца, как в глазах Нуартье, так хорошо знакомых его сыну, что-то дрогнуло, и между его век, раскрывшихся, словно губы, собирающиеся что-то сказать, сверкнула молния.

Королевский прокурор, знавший об открытой вражде, некогда существовавшей между его отцом и отцом Франца, понял эту вспышку и это волнение; но он сделал вид, будто ничего не заметил, и заговорил, продолжая речь своей жены:

— Вы отлично понимаете, сударь, как важно, чтобы Валентина, которой скоро минет девятнадцать лет, была наконец пристроена. Тем не менее, обсуждая это, мы не забыли и вас и заранее условились, что муж Валентины согласится если и не жить вместе с нами — это могло бы стеснить молодую чету, — то во всяком случае на то, чтобы вы жили вместе с ними; ведь Валентина вас очень любит, и вы, по-видимому, отвечаете ей такой же любовью. Таким образом, ваша привычная жизнь ни в чем не изменится, и разница будет только в том, что за вами будут ухаживать двое детей вместо одного.

Сверкающие глаза Нуартье налились кровью.

Очевидно, в душе старика происходило что-то ужасное; очевидно, крик боли и гнева, не находя себе выхода, душил его, потому что лицо его побагровело и губы стали синими.

Вильфор спокойно отворил окно, говоря:

— Здесь очень душно, поэтому господину Нуартье трудно дышать.

Затем он вернулся на место, но остался стоять.

— Этот брак, — прибавила г-жа де Вильфор, — по душе господину д'Эпине и его родным; их, впрочем, только двое — дядя и тетка. Его мать умерла при его рождении, а отец был убит в тысяча восемьсот пятнадцатом году, когда ребенку было всего два года, так что он зависит только от себя.

— Загадочное убийство, — сказал Вильфор, — виновники которого остались неизвестны; подозрение витало над многими головами, но ни на кого не пало.

Нуартье сделал такое усилие, что губы его искривились, словно для улыбки.

— Впрочем, — продолжал Вильфор, — истинные виновники, те, кто знает, что именно они совершили преступление, те, кого при жизни может постигнуть человеческое правосудие, а после смерти правосудие небесное, были бы рады оказаться на нашем месте и иметь возможность предложить свою дочь Францу д'Эпине, чтобы устранить даже тень какого-либо подозрения.

Нуартье овладел собой усилием воли, которого трудно было бы ожидать от беспомощного паралитика.

— Да, я понимаю вас, — ответил его взгляд Вильфору; и в этом взгляде выразились одновременно глубокое презрение и гнев.

На этот взгляд, который он хорошо понял, Вильфор ответил легким пожатием плеч.

Затем он зна́ком предложил своей жене подняться.

— А теперь, — сказала г-жа де Вильфор, — позвольте нам откланяться. Угодно ли вам, чтобы Эдуард зашел поздороваться с вами?

Было условлено, что старик выражал свое согласие, закрывая глаза, отказ — миганием, а когда ему нужно было выразить какое-нибудь желание, он поднимал глаза к небу.

Если он желал видеть Валентину, он закрывал только правый глаз.

Если он звал Барруа, он закрывал левый.

Услышав предложение г-жи де Вильфор, он усиленно заморгал.

Госпожа де Вильфор, видя явный отказ, закусила губу.

— В таком случае я пришлю к вам Валентину, — сказала она.

— Да, — отвечал старик, быстро закрывая глаза.

Супруги де Вильфор поклонились и вышли, приказав позвать Валентину, уже, впрочем, предупрежденную, что она днем будет нужна деду.

Валентина, еще вся розовая от волнения, вошла к старику. Ей достаточно было одного взгляда, чтобы понять, как страдает ее дед и как он жаждет с ней говорить.

— Дедушка, — воскликнула она, — что случилось? Тебя расстроили и ты сердишься?

— Да, — ответил он, закрывая глаза.

— На кого же? на моего отца? нет; на госпожу де Вильфор? нет; на меня?

Старик сделал знак, что да.

— На меня? — переспросила удивленная Валентина.

Старик сделал тот же знак.

— Что же я сделала, дедушка? — воскликнула Валентина.

Никакого ответа; она продолжала:

— Я сегодня не видела тебя; значит, тебе что-нибудь про меня сказали?

— Да, — поспешно ответил взгляд старика.

— Попробую отгадать, в чем дело. Боже мой, уверяю тебя, дедушка… Ах, вот что!.. Господин и госпожа де Вильфор только что были здесь, правда?

— Да.

— И это они сказали тебе то, что рассердило тебя? Что же это может быть? Хочешь, я пойду спрошу их, чтобы знать, за что мне просить у тебя прощения?

— Нет, нет, — ответил взгляд.

— Ты меня пугаешь! Что же они могли сказать?

И она задумалась.

— Я догадываюсь, — сказала она, понижая голос и подходя ближе к старику. — Может быть, они говорили о моем замужестве?

— Да, — ответил гневный взгляд.

— Понимаю, ты сердишься за то, что я молчала. Но, видишь ли, они мне строго-настрого запретили тебе об этом говорить; они и мне ничего не говорили, и я совершенно случайно узнала эту тайну; вот почему и не была откровенна с тобой. Прости, дедушка.

Взгляд, снова неподвижный и безучастный, казалось, говорил: «Меня огорчает не только твое молчание».

— В чем же дело? — спросила Валентина. — Или ты думаешь, что я покину тебя, дедушка, что, выходя замуж, я тебя забуду?

— Нет, — ответил старик.

— Значит, они сказали тебе, что господин д'Эпине согласен на то, чтобы мы жили вместе?

— Да.

— Так почему же ты сердишься?

В глазах старика появилось выражение бесконечной нежности.

— Да, я понимаю, — сказала Валентина, — потому, что ты меня любишь?

Старик сделал знак, что да.

— И ты боишься, что я буду несчастна?

— Да.

— Ты не любишь Франца?

Глаза несколько раз подряд ответили:

— Нет, нет, нет.

— Так тебе очень тяжело, дедушка?

— Да.

— Тогда слушай, — сказала Валентина, опускаясь на колени подле Нуартье и обнимая его обеими руками, — мне тоже очень тяжело, потому что я тоже не люблю Франца д'Эпине.

Луч радости мелькнул в глазах деда.

— Помнишь, как ты рассердился на меня, когда я хотела уйти в монастырь?

Под иссохшими веками старика показались слезы.

— Ну так вот, — продолжала Валентина, — я хотела это сделать, чтобы избегнуть этого брака, который приводит меня в отчаяние.

Дыхание старика стало прерывистым.

— Так этот брак очень огорчает тебя, дедушка? Ах, если бы ты мог мне помочь, если бы мы вдвоем могли помешать их планам! Но ты бессилен против них, хотя у тебя такой светлый ум и такая сильная воля; когда надо бороться, ты так же слаб, как и я, даже слабее. Когда ты был силен и здоров, ты мог бы меня защитить, а теперь ты можешь только понимать меня и радоваться или печалиться вместе со мной. Это последнее счастье, которое бог забыл отнять у меня.

При этих словах в глазах Нуартье появилось выражение такого глубокого лукавства, что девушке показалось, будто он говорит:

— Ты ошибаешься, я еще многое могу сделать для тебя.

— Ты можешь что-нибудь для меня сделать, дедушка? — выразила словами его мысль Валентина.

— Да.

Нуартье поднял глаза к небу. Это был условленный между ним и Валентиной знак, выражающий желание.

— Что ты хочешь, дедушка? Я постараюсь понять.

Валентина стала угадывать, высказывая вслух свои предположения, по мере того как они у нее возникали; но на все ее слова старик неизменно отвечал «нет».

— Ну, — сказала она, — прибегнем к решительным мерам, раз уж я так недогадлива!

И она стала называть подряд все буквы алфавита, от А до Н, с улыбкой следя за глазами паралитика; когда она дошла до буквы Н, Нуартье сделал утвердительный знак.

— Так! — сказала Валентина. — То, чего ты хочешь, начинается с буквы Н; значит, мы имеем дело с Н? Ну-с, что же нам от него нужно, от этого Н? На, не, ни, но…

— Да, да, да, — ответил старик.

— Так это *но*?

— Да.

Валентина принесла словарь и, положив его перед Нуартье на пюпитр, раскрыла его; увидев, что взгляд старика сосредоточился на странице, она начала быстро скользить пальцем сверху вниз, по столбцам.

С тех пор как, шесть лет тому назад, Нуартье впал в то тяжелое состояние, в котором он теперь находился, она научилась легко справляться с этим делом и угадывала мысль старика так же быстро, как если бы он сам искал в словаре нужное ему слово.

На слове *нотариус* Нуартье сделал ей знак остановиться.

— *Нотариус*, — сказала она, — ты хочешь видеть нотариуса, дедушка?

Нуартье показал, что он действительно желает видеть нотариуса.

— Значит, надо послать за нотариусом? — спросила Валентина.

— Да, — показал старик.

— Надобно, чтобы об этом знал мой отец?

— Да.

— А спешно тебе нужен нотариус?

— Да.

— За ним сейчас пошлют. Это все, что тебе нужно?

— Да.

Валентина подбежала к звонку и вызвала лакея, чтобы пригласить к деду господина или госпожу де Вильфор.

— Ты доволен? — спросила Валентина. — Да… еще бы! Не так-то легко было догадаться!

И она улыбнулась деду, как улыбнулась бы ребенку.

В комнату вошел Вильфор, приведенный Барруа.

— Что вам угодно, сударь? — спросил он паралитика.

— Отец, — сказала Валентина, — дедушка хочет видеть нотариуса.

При этом странном, а главное — неожиданном требовании Вильфор обменялся взглядом с паралитиком.

— Да, — показал тот с твердостью, которая ясно говорила, что с помощью Валентины и своего старого слуги, осведомленного теперь о его желании, он готов на борьбу.

— Вы желаете видеть нотариуса? — повторил Вильфор.

— Да.

— Зачем?

Нуартье ничего не ответил.

— Но для чего вам нужен нотариус? — спросил Вильфор.

Взгляд старика оставался неподвижным, немым; это означало: «Я настаиваю на своем».

— Чтобы чем-нибудь досадить нам? — сказал Вильфор. — К чему это?

— Но, однако, — сказал Барруа, готовый с настойчивостью, присущей старым слугам, добиваться своего, — если мой господин желает видеть нотариуса, так, видно, он ему нужен. И я пойду за нотариусом.

Барруа не признавал иных хозяев, кроме Нуартье, и не допускал, чтобы в чем-нибудь противоречили его желаниям.

— Да, я желаю видеть нотариуса, — показал старик, закрывая глаза с таким вызывающим видом, словно он

говорил: «Посмотрим, осмелятся ли не исполнить моего желания».

— Если вы так настаиваете, нотариуса приведут, но мне придется извиниться перед ним за себя и за вас, потому что это будет смехотворно.

— Все равно, — сказал Барруа, — я схожу за ним.

И старый слуга удалился торжествуя.

II. Завещание

Когда Барруа выходил из комнаты, Нуартье лукаво и многозначительно взглянул на внучку. Валентина поняла этот взгляд; понял его и Вильфор, потому что лицо его омрачилось и брови сдвинулись.

Он взял стул и, усевшись против паралитика, приготовился ждать.

Нуартье смотрел на него с полнейшим равнодушием, но уголком глаза он велел Валентине не беспокоиться и тоже оставаться в комнате.

Через три четверти часа Барруа вернулся вместе с нотариусом.

— Сударь, — сказал Вильфор, поздоровавшись с ним, — вас вызвал присутствующий здесь господин Нуартье де Вильфор; общий паралич лишил его движения и голоса, и только мы одни, и то с большим трудом, умудряемся понимать кое-какие обрывки его мыслей.

Нуартье обратил на Валентину свой взгляд, такой серьезный и властный, что она немедленно вступилась:

— Я, сударь, понимаю все, что хочет сказать мой дед.

— Это верно, — прибавил Барруа, — все, решительно все, как я уже сказал по дороге господину нотариусу.

— Разрешите, господа, сказать вам, — обратился нотариус к Вильфору и Валентине, — что это как раз один из тех случаев, когда должностное лицо не может действовать опрометчиво, не навлекая этим на себя тяжкой ответ-